

УДК 94(495).02

**ЧЕТЫРЕ АНОНИМНЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСЬМА X–XI ВВ.:
БЫТОВЫЕ ДЕТАЛИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА¹****FOUR ANONYMOUS BYZANTINE LETTERS OF THE 10th–11th C.:
ROUTINE DETAILS AND LITERARY GAME****Д.А. Черноглазов
D.A. Chernoglazov***Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 5**St.-Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya St, St. Petersburg, 199034, Russia**E-mail: d.chernoglazov@spbu.ru***Аннотация**

В данной статье исследуются четыре письма неизвестного византийского автора, содержащиеся в рукописи Bodl. Auct. T. 4. 04 (XVI в.) и опубликованные в не критическом издании 1925 г. Делается предположение, что рассматриваемые послания принадлежат одному автору и написаны в X–XI вв. Проводится исторический и филологический анализ данных текстов. Демонстрируется, что данные письма представляют собой ценный источник по истории византийского быта и уникальный литературный памятник. В приложении приводится греческий текст писем, сверенный по рукописи, а также первый русский перевод. Автор – представитель интеллектуальной элиты эпохи Македонского ренессанса, знакомый со всеми нюансами эпистолярного этикета.

Abstract

The article examines 4 anonymous Byzantine letters, preserved in Bodl. Auct. T. 4. 04 and published in the uncritical edition in 1925. It is assumed that all the 4 letters have been written by the same author in the 10th–11th century. Historical and philological analysis of the texts is conducted. It is demonstrated that these letters are a valuable source on the Byzantine everyday life and a unique literary monument. The annex contains the Greek text of the letters, based on the manuscript, and their Russian translation.

Ключевые слова: византийская эпистолография, эпистолярный этикет, византийский быт, Македонский ренессанс, тема Анатолик.

Key words: Byzantine epistolography, epistolary ceremonial, everyday life in Byzantium, Macedonian Renaissance, the theme Anatolikon.

Предмет настоящей статьи – четыре анонимных письма, сохранившиеся только в одной рукописи: Bodl. Auct. T. 4. 04². Они были вместе с другими посланиями из этого кодекса опубликованы Сп. Лампросом³. Хотя письма, бесспорно, существенны с точки зрения как истории, так и филологии, они, насколько нам известно, ни разу в научной литературе не анализировались. Задача настоящей работы – доказать, что эти четыре письма принадлежат одному автору, жившему в X–XI вв., и охарактеризовать их как исторический источник и литературный памятник. Издание Сп. Лампроса, единственное на настоящий момент, содержит ряд ошибок и неточностей, и потому мы вывели текст изучаемых писем по рукописи, внесли исправления, выявили цитаты и сделали русский перевод⁴.

Рукопись, в которой содержится текст, изготовлена в XVI в. Она содержит обширный эпистолярный, включающий послания различных авторов – Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Никиты Магистра, Михаила Апостолиса, Иоанна Цеца и многих других, в частности и анонимных. Группа из четырех писем, о которых пойдет речь, находится на л. 208r – 210v. сразу после группы писем Симеона Логофета. Все эти письма, равно как и предыдущие, принадлежащие различным авторам, скопированы без имени автора и озаглавлены словами τῷ αὐτῷ (ему же).

Мы полагаем, что четыре письма (далее: *ep. 1–4*) принадлежат одному и тому же автору. *Ep. 2* и *ep. 4* точно написаны одним человеком – они содержат мотив, отнюдь не являющийся общим местом эпистолярного этикета: автор признается, что проводит все время на пирах и в по-

¹ Исследование выполнено при содействии РГНФ, проект № 15-03-00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции»

² Иначе: Bodl. misc. 242. Рукопись изготовлена в XVI в. См.: Coxe H.O. 1969. Bodleian Library Quarto Catalogues. Vol. 1. Greek manuscripts. Oxford, P. 789–800

³ Lampros Sp. 1925. Επιστολαί ἐκ τοῦ Βιενναίου κώδικος Phil. gr. 342 // Νέος Ἑλληνομνήμων, 19. Σ. 179–182

⁴ Текст писем и русский перевод см. в приложении.

пойках. *Ер. 3*, возможно, принадлежит тому же автору, ибо располагается между *ер. 2* и *ер. 4*. *Ер. 1* обнаруживает некоторые, хоть и незначительные, параллели с *ер. 2* – в обоих письмах автор сетует на то, что окружающие к чему-то его принуждают, и он не принадлежит себе. Кроме того, и *ер. 1*, и *ер. 2* написаны человеком, который вырос и получил образование в столице, а теперь служит чиновником в провинции. От лица провинциального чиновника написано и *ер. 3*.

Итак, мы предположили, что четыре послания написаны одним и тем же автором. Можно ли их как-то датировать? Здесь нам поможет, главным образом, *ер. 3*. Во-первых, в нем упоминается фема Анатолик. Фема существовала только до последней четверти XI в. (в последний раз она упоминается в связи с событиями 1077 г.)¹, а значит, послание было написано не позже конца XI в. Во-вторых, в письме говорится, что Григорий Панийский назначен δικαιοδότην (правоблюстителем) и διαιτητήν (арбитром) Анатолика, что, видимо, означает должность фемного судьи или претора. Должность зафиксирована с IX в., но особенно часто судьи фем упоминаются в источниках X–XI вв.² В-третьих, Григорий Панийский характеризуется как «ромей по прозвищу». Между тем, Григорий Ромей – адресат одного из писем Никиты Магистра³, содержащихся в том же кодексе *DoI. Aust. T. 4. 04*. Если, следуя гипотезе Л.Г. Вестеринка, предположить, что наш фемный судья и адресат письма Никиты⁴ – одно и то же лицо, то письмо можно датировать еще точнее – первой половиной X в. Однако Григорий – распространенное имя, а Ромей – отнюдь не редкое прозвище, так что, настаивая на идентификации этих двух персонажей, мы датируем *ер. 3* X–XI вв. В этот же диапазон следует поместить и остальные три послания, если верна наша гипотеза об авторстве.

Письма весьма интересны во всех отношениях и заслуживают детального анализа. Во-первых, они ценны как исторический источник, поскольку содержат описания некоторых реалий повседневной жизни. Обозначая эти реалии, автор (в отличие от многих других ученых византийцев) использует современные, как он сам пишет – «варварские», слова.

В *ер. 1* имеется редкий термин *χοινουβαρίασμα*. Что он означает, не совсем понятно, так как, помимо данного письма, во всей византийской литературе этот термин встречается только один раз – в хронике Продолжателя Феофана (тоже в тексте X в.!), и в несколько иной форме: *χοινουβαρίασμός*. По словам хрониста, явление, обозначаемое этим словом, произошло в домах Иоанна Куркуаса, Романа Саронита и других и принесло им нищету и разорение⁵. Ш. Дюканж⁶ предположил, что слово означает *depraedatio* – (разграбление), и контекст нашего письма это предположение подтверждает: недаром говорится о том, что произошедшее нуждается в расследовании. Неясно предпосланное этому слову определение *προσεκρικόν*, или, по конъектуре Сп. Лампроса, *προσεκρητικόν*. Существительное *οεκρητικός* употреблялось в значении «судья» – быть может, идет речь о погромах в домах (бывших) судей?

В том же письме мы встречаем слово *σῆματρον*, которое обозначает отправляемый адресату подарок. По данным словарей и базы TLG, слово *σῆματρον*, или *σῆματρον*, встречается только в византийских текстах и всего несколько раз. Видимо, оно – через посредство латинского языка – восходит к *στέματρον* и означает любой покров, «покрывало», хотя лексикон Псевдо-Зонары дает более конкретное значение «попона»⁷. Что автор подарил адресату: покрывало или попону? На данный момент вопрос остается открытым.

Наибольшее количество бытовых деталей содержится в *ер. 2*. Автор сообщает, что у него большой двор (видимо, огород) и потому он постиг кулинарное искусство. Наконец – признание, уникальное в византийской эпистолографии – он жалуется на то, что постоянно должен устраивать званые обеды и целыми днями «поднимать заздравные чаши» (*πρὸς τὴν φλοτσησίαν*). Речь идет о хорошо известной традиции: термины *φλοτσησία* (заздравная чаша) и *πρὸς τὴν φλοτσησίαν* (поднимать тост) многократно зафиксированы в византийских текстах⁸. Однако некоторые реалии этого письма объяснить непросто: чтобы написать письмо другу, автор украдкой выбирается из *ὀττανεῖον* – т.е. из кухни. Почему хозяин дома и «симпосиарх» занят на кухне? После пиршества автору трудно писать, но не потому, что он пьян, а потому, что рука устала *ἀρθεφορεῖν* (носить бремя) чаш. Почему ему приходится их так часто носить? Создается впечатление, что автор одновременно и распорядитель пира, и повар, и виночерпий. Попытаться разъяснить эту загадку поможет филологический анализ письма.

Очевидно, что *ер. 2* (равно как *ер. 4* и *ер. 1*) носит гротескно-пародийный характер. Игра с читателем начинается уже с первой фразы. Так, автор (как это положено по этикету) хочет оправдать свое продолжительное молчание и вводит крайне распространенную формулу: «меня затопляют дела». Этот мотив – клише, к нему византийские авторы прибегают часто, причем именно в

¹ Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan. Vol. 1. Oxford, 1991. P. 89–90

² Oxford Dictionary of Byzantium... Vol. 3. P. 2034–2035; Glykatzis-Ahrweiler H. 1960. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX-XIème siècles. Paris, P. 69–71.

³ Nicetas Magistros. Lettres d'un exilé / ed. L. G. Westerink. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1973. Ep. 25.

⁴ Westerink L.G. Op. cit. P. 117, 135.

⁵ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 441. 16–21.

⁶ Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis / auctore Carlo Du Fresne, domino Du Cange. Lugduni, 1688.

⁷ Iohannis Zonarae lexicon ex tribus codicibus manuscriptis / ed. J.A.H. Tittmann. Leipzig, 1808 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1967). P. 1639. 10

⁸ Κουκουλές Φ. 1952. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς. Τ. 5. Αθήνα, Σ. 191–192

подобной ситуации: оправдывая свое продолжительное молчание, они сетуют на «морскую бурю», «шторм» или «волны» дел или хлопот, которые «потопляют» их. Этот образ можно встретить у Либания¹, Игнатия Диакона², Константина Багрянородного³, Феодора Кизического⁴, Иоанна Апокавка⁵ и др. Однако следующая фраза удивляет читателя: оказывается, глагол $\lambda\epsilon\rho\kappa\lambda\upsilon\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ автор употребил не в переносном смысле, а в прямом – его «затопляет» винный поток. Так, тривиальная «стершаяся» метафора оживляется и обретает новый, вполне конкретный смысл. Автор обыгрывает распространенную формулу и помещает ее в подчеркнuto сниженный контекст. Этикетное оправдание превращается в пародию.

Далее автор создает свой «автопортрет» – гротескный и комический образ гурмана и пьяницы, напивающегося, якобы, поневоле, образ, который в сокращенной форме появляется в *ep. 4*. Но стоит ли понимать слова автора буквально? Или, точнее говоря, стоит ли понимать их только буквально?

Византийские авторы в разных своих трудах, в частности в письмах, часто упоминают о кулинарном искусстве, как правило, в переносном смысле. Речь идет о сравнении кулинарии и красноречия, которое восходит к диалогу Платона «Горгий»: Сократ убеждает собеседника, что и красноречие, и приготовление блюд – не искусства, а навыки, служащие одной цели – угождению⁶. Это сравнение стало общим местом еще в античности и было воспринято византийскими интеллектуалами, особенно комниновской эпохи⁷. По нашему мнению, этот мотив, легко узнаваемый византийским читателем, обнаруживается и в данном письме. Здесь уместно привести два примера из эпистолографии XII в.

Михаил Италик в одном из писем зовет племянника-адресата на «словесное пиршество», которое он устраивает⁸. Блюдами служат различные дисциплины и науки, которые по-разному готовятся на его «кухне» – Италик употребляет все то же неклассическое и редкое слово $\acute{\omicron}\lambda\tau\alpha\iota\omicron\nu\omicron$ ⁹. Упоминаются и виночерпии – у Италика это «Платоны» и «Пифагоры», а на кухне трудится Аристотель со всей своей школой¹⁰. Но еще интереснее для нас письмо Цеца его бывшему ученику Трифилису¹¹. Автор сравнивает себя с Платоном и, в частности, утверждает, что, в отличие от него самого, Платон «в совершенстве постиг поварское искусство» и научился лстить тиранам. Слова $\acute{\omicron}\nu\alpha\rho\tau\upsilon\tau\iota\kappa\eta$ (поварское искусство) и $\theta\omega\lambda\epsilon\iota\alpha$ (угождение) Цец дважды употребляет вместе и с явной аллюзией на платоновского «Горгия»¹².

Итак, нельзя ли увидеть сходный мотив в интересующем нас письме? Автор тоже «изучил поварское искусство», проводит время «на кухне», «вливает», т.е. приготавливает, вино и поднимает задравные чаши. Не значит ли это, что он без конца «заготавливает» и произносит лстивые речи в чей-то адрес? Что он должен кому-то угождать? Вспомним, что и в *ep. 1* автор признается, что он находится в чьей-то власти, причем таких людей, которые сами кому-то подвластны; а в *ep. 3* он уже ищет управы фемного судьи против неких людей, которые вершат свою волю силой. Таким образом, в *ep. 2* автор, скорее всего, высказывается и в прямом, и в переносном смысле – пиры и попойки понимаются и буквально (автор создает комический автопортрет пьяницы, страдающего от винного «потопа»), и метафорически: кулинария, кухня, поднесение вина и произнесение задравных тостов иносказательно означают лстить и угождение каким-то влиятельным лицам, на которые автор вынужден идти вместо научных занятий, к которым он привык.

Как это часто бывает, византийское письмо оставляет нас перед загадкой. Анонимный автор балансирует между конкретной бытовой деталью и изысканной аллегорией. Метафора переходит в конкретный образ, а этот образ вновь обращается метафорой. Вспоминается знаменитое письмо Михаила Пселла, где он откровенно признается, что ворует иконы из храмов¹³. Понимать византийские письма в буквальном смысле бывает весьма опрометчиво. Как бы мы ни трактовали *ep. 2* анонимного автора, можно утверждать, что это образованный человек (например, он цитирует не только Гомера, известного любому образованному византийцу, но и Феогнида), представитель интеллектуальной элиты эпохи Македонского ренессанса, знакомый со всеми нюансами эпистолярного этикета, которые ему удается изящно пародировать.

¹ Libanii opera omnia / ed. R. Foerster. Vol. 10, Leipzig, 1921 (repr. Hildesheim: Olms, 1997). Ep. 222. 1.

² The Correspondence of Ignatius the Deacon / ed. S. Eftymiadis, C.A. Mango. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Washingtonensis 39). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1997. Ep. 4. 1–5.

³ Theodori metropolitae Cyzici epistulae. Accedunt epistulae mutuae Constantini Porphyrogeniti / Rec. M. Tziatzi-Papagianni. Berlin, 2012. Ep. B. 18. 10–13.

⁴ Theodori metropolitae Cyzici epistulae... Ep. A. 9. 5–8; 11. 1–10.

⁵ Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) / ed. N.A. Bees // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 21. 1971–1974. Ep. 90. 5–7.

⁶ Plat. Gorg. 462b – 463c.

⁷ Die Briefe des Eustathios von Thessalonike / Ed. F. Kolovou. (Beiträge zur Altertumskunde 239). Munich-Leipzig, 2006. P. 57*–73*.

⁸ Michel Italikos. Lettres et Discours / Ed. P. Gautier. (Archives de l'Orient Chrétien, 14). Paris, 1972. Ep. 18.

⁹ Ibid. P. 157. 13.

¹⁰ Ibid. P. 158. 8–10.

¹¹ Ioannis Tzetzae epistulae / Ed. P.L.M. Leone. Leipzig: Teubner, 1972. Ep. 75.

¹² Ibid. 110. 2–13; 111. 1–5.

¹³ Michaelis Pselli Scripta minora: magnam partem adhuc inedita / Ed. E. Kurtz, F. Drexl. Milano, 1941. Ep. 129. См.: Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество // Его же. 2001. Две книги о Михаиле Пселле. СПб., С. 495–496.

Приложение

B = codex Bodl. Auct. T. 4. 04

L = Lampros Sp. Ἐπιστολαὶ ἐκ τοῦ Βιενναίου κώδικος Phil. gr. 342 // Νέος Ἑλληνομνήμων. 19. 1925. Σ. 179 – 182.

1. Τῷ αὐτῷ

Καὶ τὸ κάτοξυ τῆς τῶν γραμμάτων εἰσπράξεως καὶ ἡ ἀνεξερευνητος ἔρευνα τῶν προσεκρητικῶν¹ χουνουβαριασμάτων, ἵνα καὶ τὸν λόγον συμβαρβαρωθῶ καὶ τοῖς τὸν λόγον καὶ τὸν τρόπον βαρβαροῖς, στενώσαντα πάντοθεν, στενήν ἠνάγκασαν ἐνθεῖναι καὶ τὴν γραφήν. Οὐ γὰρ ἐσμεν ἑαυτῶν, ἀλλὰ τῶν ἀγόντων ἡμᾶς ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τῶν ἀγομένων ὑπὸ τῶν ἀγόντων τοὺς ἄγοντας. Τὸ αἰτηθὲν σίγιστρον, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τὸ ὑποσχεθὲν, ἐξεπέμφθη, ὅσον μὲν εἰς τὴν ἐργασίαν οὐκ ἄχρηστον, εἰ δὲ καὶ τῇ σῆ ἄρεσκείᾳ καὶ ὑπουργίᾳ χρήσιμον, ἄδηλον. Γνώριζέ μοι τὰ κατὰ σέ καὶ τῶν φίλων καὶ τοῦ κοινοῦ πατρὸς καὶ θείου, ἕως τῆ βασιλευούσης ἐμπολιτεύῃ καὶ μήπω ἐξορμήσης πρὸς τὰ τῆς Μονεμβασίας κλυτὰ δώματα ἢ μέλαθρα, κλυτὰ δὲ χάριν σῆν, ἐπεὶ καθ' ἑαυτὰ καὶ μάλα κλιτὰ καὶ πεπονημένα καὶ κείμενα. Ὑγίαινε ἐν Θεῷ

2. Τῷ αὐτῷ

Δεῖγμα σχολῆς παροῦσα γραφή· μὴ γὰρ οἶου με σχολάζοντα σιωπᾶν τὰ πρὸς σέ καὶ ἄναυδον εἶναι καὶ ἀπροσαύδητον, ἀλλὰ σιωπῶντα οἶου με τοῖς πράγμασι περικλύζεσθαι. Ἄρτι γοῦν τοῦ συμποσιαρχεῖν καὶ τοῦ κωθωνίζεσθαι σχολάσας ἐπὶ μικρὸν, μᾶλλον δὲ οὐ σχολάσας, ἀλλ' ὑποκλέψας καὶ ὑπεξαγαγὼν ἑαυτὸν τοῦ ὀπτανείου² καὶ τοῦ ἐγχεῖν τὸ ζωρότερον καὶ προπίνειν φιλοτησίας ἀπροαιρέτους τοῖς οἷς οὐ βουλόμεθα, γέγονά τε ἐμὸς καὶ εὐθύς ὑμέτερος, καθεικῶς³ τὴν χεῖρα, μόλις ἰσχύουσιν ἐξυπηρετησαί σου τῇ γραφῇ. Οὐ γὰρ οἷα τε ἦν τὸν γραφέα διανέχειν κάλαμον τῷ κατάκοπος εἶναι καὶ ἀχθοφορεῖν τοὺς καθημερινούς καὶ πανημερίους κώθωνας, πολυχωροτάτους τε ὄντας καὶ καταγόμεους, οὓς ἀντὶ τῶν βιβλίων, οἷς συνανετράφημεν, ἐπιχειλεῖς⁴ καὶ πλήθοντας ἐξονυχίζομεν. Καὶ δέος μὴ, προϊόντος τοῦ πράγματος, Οἰνόμαος ἀντ' ἐμοῦ ἐπανήξω σοι, εἴ γε καὶ ἐπανήξω σοι. Ἴνα δὲ σοι καὶ πλεῖον εὐαγγελισωμαι, καθώρθωκα καὶ τὴν μαγειρικὴν, πολυστάθμου τυχῶν αὐλῆς. Ἐν τούτοις καὶ τοιούτοις ἡμεῖς οἱ βαρυτάλαντοι καὶ βαρῦπλοῦτοι οἱ πολλάκις καὶ τὸ Θεόγονιδος ἐπιλέγομεν μικρὸν παραμείψαντες, ὅτι πλοῦτον καὶ πενήν ἀπεύχομαι, εἴη δὲ μοι ζῆν ἀπὸ τῶν ἐνότων, μηδὲν ἔχοντι κακόν. Σὺ δὲ μοι εὐέκτει εἰς τε τὸ ὀρώμενον καὶ τὸ νοούμενον καὶ μέμνησός μου ἀνεπιλήστως, καὶ φίλει τὴν ἰθυγενῆ φιλίαν καὶ ἄδολον καὶ κατὰ τὸ ἴωτα ἀπευθυνομένην ἀλλ' ὡς μὴ τόξον καμπυλευομένην· οὐ γὰρ ταῖς καμπύλαις ἐνευδοκιμοῦμεν, ἀλλ' ἐν ταῖς ἰθύτησι. Περὶ τοῦ καλοῦ Συνάδων δῆλου εἴ τι ἐν γνώσει σοι.

3. Τῷ αὐτῷ

Περὶ δεσμούς τοῦ γράμματος ἤμεν ἡμεῖς, καὶ πτερόεσσα φήμη, οὐκ οἶδ' ὅθεν πτερυξαμένη ἐπλήρωσε καὶ λόγου καὶ χάριτος ἠδονῆς· ἐκήρυσσε δὲ ἡ φήμη τὸν καὶ προσρήματι καὶ τῷ πράγματι μόνον Ρωμαῖον τὸν Πανέα Γρηγόριον διαιτητὴν καὶ δικαιοδότην τοῦ Ανατολικοῦ. Ἡμεῖς οὖν, γειτονοῦντες τῷ θέματι καὶ πειρώμενοι γειτονικῶν ἀηδιῶν, χρῆζομεν τοῦ τοὺς χειροδικας κωλύσοντος μὴ ἔχειν μείζονας τοῦ δικαίου τὰς χεῖρας μηδὲ τῶν νόμων ἰσχυροτέρας τὰς γλώσσας. Καὶ ἐπὶ μὲν τῇ ἀπροσκληνεί δικαιοδοσίᾳ τοῦ ἀνδρὸς χαίρομεν, ἀγωνιῶμεν δὲ τῷ ἄσυνήθεις εἶναι αὐτοῦ καὶ πείραν ἡμῶν μηδεμίαν δεδωκέναι αὐτῷ ἢ τὴν ἐκεῖνου ἡμᾶς λαβεῖν. Εἰ μὲν οὖν μὴ φήμη τῷ ὄντι τὴν ἄλλως πετομένη ἢ ἡ φήμη, ἀλλὰ λόγος ἐστὶν ἐναργῆς ἢ ἡ φήμη μὲν, ἀλλ' ἡ θεὸς ἐκεῖνη ἢ⁵ μὴ πάμπαν ἀπόλλυται, δὸς μοι ὅμοισιν τὰ σὰ τεύχεα ἐπ' αὐτῷ θωρηχθῆναι, τὴν σῆν φημι πρὸς ἐκεῖνον συνήθειαν, καὶ σύστησόν με αὐτόθεν αὐτῷ καὶ πείσον ἔχειν ἐμὲ ἄλλον σέ⁶. Εἰ δὲ μὴ μόνοις τοῖς ἀπὸ γλώσσης αὐτόθεν συστατικοῖς, ἀλλὰ καὶ γράμμασιν ὀχυρώσεις τοῖς πρὸς ἐκεῖνον μὲν χαραχθισομένοις δι' ἐμέ, πεμφθησομένοις δ' ἐμοί, ἴν' ἔχω αὐτὰ συνεθίζοντά με πρὸς αὐτὸν καὶ συνιστῶντά με τούτῳ, ἀπέχεις μοι πάντα τέως τὰ ἀπὸ σοῦ πρὸς αὐτόν.

4. Τῷ αὐτῷ

Φιλία καὶ δειλία γεγόνασιν αἴτια, δέσποτα, καὶ τοῦ γράψαι νῦν καὶ τοῦ μὴ γράψαι ἄχρι τοῦ νῦν, ἢ μὲν πολλὰ ὑποπιθεῖσα⁷ τὰ δίκαια, ἢ φιλία, καὶ πρὸς τὸ γράφειν ἀλείφουσα, τὴν δὲ ἀμαθίαν ἢ δειλία προῖσχομένη καὶ τῆς γνώμης ἀπάγουσα. Ἀλλ' ἡ ἀγάπη πρᾶγμα βιαιότατον καὶ ὄπλον πάντων κατατολμῶν, ἢ μηδὲ τοὺς κρείττονας λέγουσι μάχεσθαι. Παρώσατο γοῦν τὴν δειλίαν καὶ καὶ ἀπεδίσκευσε καὶ ἐπτέρωσε τὴν χεῖρα, πρὸς τὴν γραφήν πολλάκις ἀπονार्κήσασαν. Προσαγορευῶ τοίνυν τὴν σῆν μακαριότητα, δέσποτα, καὶ δηλώ σοι, ὡς τῇ τοῦ θεοῦ εὐμενείᾳ καὶ τῇ ἀλήκτῳ αὐτοῦ περὶ ἐμὲ ἀνοχῆ ζῶν ὑγίαινω, ἀξίω δὲ σε μεμνήσθαι μου, τοῦ ποτὲ σοῦ καὶ οἰκειῶς⁸ σου, οὐκ οἶδα δὲ εἰ καὶ νῦν σοῦ. Ποιεῖ γὰρ με μὴ θαρρεῖν

¹ τῷ προσεκρηκῶ B: τῶν προσεκρητικῶν L.

² ὀκτανείου L.

³ καθηκῶς L.

⁴ ἐπὶ χειλαῖς B: ἐπιχειλεῖς L.

⁵ fort. ἦ?

⁶ διὰ σέ B: σέ L.

⁷ ὑποπιθεῖσα L.

⁸ οἰκειῶς L.

τοῦτο λέγειν τὸ μηδὲν ποιεῖν ἄξιόν σου. Τὸν¹ ἐν πνεύματι κοινὸν ἀδελφόν, ἐμοὶ δὲ φανέντα² καὶ ὑπὲρ ἀδελφόν, τὸν κύριον Θεόδωρον, ἐγγένηται³ σοι θεάσασθαι τὴν ἀρμόζουσαν ἐξ ἐμοῦ διὰ τὸν Φίλιον προσαγόρευσον προσαγόρευσιν⁴. Μέμνησό μου, μέμνησό μου, δέσποτα, τοῦ εἰς μηδὲν εὐκαιροῦντος ἄλλο ἢ διημερεῦειν ἐν πότοις καὶ καθημερινούς καὶ πανημερινούς κώθωνας διὰ χειρὸς ἔχειν καὶ φιλοτησίας προτίνειν ἀβουλήτως καὶ ἀπροαίρετα.

1. Ему же

Строгость взыскания писем (документов?) и нерасследуемое расследование *προσεκρητικῶν* (?) грабежей (чтобы мне и на словах сделаться варваром вместе с варварами и на словах и по нраву) – [все это], стеснив меня со всех сторон, вынудило и послание [для тебя] вручить стесненное. Ведь мы принадлежим не себе, но управляющим нами, а вернее сказать, управляемым теми, которые управляют управляющими. Покрывало, которое ты просил, а вернее сказать, я обещал, я тебе выслал. В применении оно полезно, а понравится и пригодится ли оно тебе, уж не знаю. Сообщай мне, как обстоят делу у тебя, у друзей и у [нашего] общего божественного отца, пока ты живешь в Царствующем [городе] и еще не отправился в «славные дома» [Ил 2:854] или чертоги Монемвасии, славные благодаря тебе, ибо сами по себе они совсем покосившиеся, обветшавшие и обрुшенные. Будь здоров в Боге!

2. Ему же

Настоящее письмо – знак досуга. Не думай, что, несмотря на досуг, я молчу и остаюсь безмолвным и недоступным, но знай: я молчу, ибо дела потопляют меня. Как только я хоть ненадолго освободился от председательства на пиру и пития, а вернее, не освободился, а втайне и украдкой выбрался из кухни и уклонился от того, чтобы вливать [в чаши] несмешанное вино и поневоле пить за здоровье тех, за кого мы пить не желаем – итак, как только я оказался в моем собственном распоряжении, то тотчас же оказался и в Вашем, хотя рука, способная послужить написанию письма к тебе, и ослабела. Ведь она не в силах была удержать пишущее перо, поскольку была утомлена и дни напролет отягощена сосудами, огромными и тяжеловесными. Эти сосуды, наполненные до краев, мы и исследуем – вместо книг, среди которых мы были возвращены. И я боюсь, что я вернусь к тебе Эномаем, если вообще вернусь. А еще – дабы сообщить тебе больше благих вестей – я постиг поварское искусство, ибо двор у меня обширный. В таких-то и им подобных вещах мы сказочно богаты; отчего непрестанно и повторяем, слегка переиначив, слова Феогнида: я сторонюсь и богатства, и бедности – «пусть бы мне довелось жить тем, что есть, не испытывая никаких бед»⁵! Ты же благоденствуй и в видимом, и в умственном, и обо мне не забывай, а люби любовью прямодушной и бесхитростной, выпрямленной, будто йота, а не искривленной, будто лук. Ведь добрую славу мы стяжаем не кривизною, а прямою. Если тебе что-то известно о добром [митрополите] Синадском, сообщи.

3. Ему же

Мы были уже готовы запечатать письмо, когда крылатая молва, неведомо откуда прилетевшая, исполнила нас наслаждением от слова и приятной [вести]. Возвещала же молва о том, что Григорий Панийский, единственный ромей и по прозванию, и на деле, назначен арбитром и правоблюстителем Анатолика. Мы же соседствуем с этой фемой и испытываем соседские неприятности, и потому мы нуждаемся в таком [судье], который бы воспрепятствовал тому, чтобы у творящих суд силой руки были сильнее справедливости, а языки – могущественней закона. Мы восхищаемся нелицеприятным судом этого мужа, но и тревожимся, ибо мы ему чужие, ни он с нами никак не знаком, ни мы с ним. Если [эта] молва – не поистине молва, праздно летающая, а слово, имеющее силу, или [пусть даже] молва, но то божество, которое никогда не гибнет (?), то дай мне твое «оружие», дабы я «покрыл» им мои «рамена» [Ил 3:328] – я имею в виду твое близкое знакомство с ним – представь меня ему на словах и убеди, чтобы он считал меня другим тобою. Если же ты укрепишь меня не только устным ходатайством, но и письмами, которые ты напишешь ему ради меня, а отправишь мне, дабы они могли приблизить и представить меня ему, то этим ты делаешь для меня все, что от тебя зависит.

4. Ему же

Любовь и робость, владыко, стали причинами того, что я написал сейчас и не писал до сих пор. Любовь, приводя много справедливых [аргументов], внушала решимость писать, а робость, выставляя [как довод] невежество, от этого намерения уводила. Но любовь – это огромная мощь и

¹ Ἄν τὸν L.

² φαίνεται L.

³ fort. ἄν γένηται?

⁴ προσαγόρευσιν om. L.

⁵ Cf Th. El. I. 1154–1155; X. 113. 1–2.

оружие, не страшась ничего, и, как говорят, ей не в силах противиться даже сильнейшие. Так вот, [любовь] оттолкнула и отбросила робость, окрылила руку, [прежде] многократно опускавшуюся при мысли о письме. Итак, я приветствую твое блаженство, владыко, и сообщаю тебе, что Божией милостью и по нескончаемому терпению Его по отношению ко мне я жив и здоров. Прошу же тебя помнить обо мне, когда-то твоим друге и близком друге – не знаю, друге ли твоим и сейчас; я не отваживаюсь назвать себя так, поскольку не совершаю ничего достойного тебя. Если тебе случится увидеть господина Феодора, общего в духе брата, а мне кажется, и превыше брата, то, ради Филия, поприветствуй его от меня подобающим приветствием. Помни обо мне, помни обо мне, владыко – о том, кто проводит время никак иначе, кроме как дни напролет пирует, ежедневно и весь день не выпускает из рук чаши и пьет за здоровье [вино] против воли и желания.

Библиография References

1. Любарский Я.Н. 2001. Михаил Пселл. Личность и творчество // Любарский Я.Н. Две книги о Михаиле Пселле. СПб.: Алетейя.
1. Ljubarskij Ja. N. 2001. Mikhail Psell. Lichnost' i tvorcestvo // Ego zhe. Dve knigi o Mikhaile Pselle. St.-Petersburg: Aleteya.
2. Coxe H. O. 1969. Bodleian Library Quarto Catalogues. Vol. 1. Greek manuscripts. Oxford: UP.
3. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis / auctore Carlo Du Fresne, domino Du Cange. Lugduni, 1688.
4. Glykatzi-Ahrweiler H. 1960. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX-XIème siècles. Paris: BL.
5. Ioannis Tzetzae epistulae / ed. P. L. M. Leone. Leipzig: Teubner, 1972.
6. Iohannis Zonarae lexicon ex tribus codicibus manuscriptis / ed. J. A. H. Tittmann. Leipzig: Crusius, 1808 (repr. Amsterdam: Hakker, 1967).
7. Κουκουλές Φ. 1952. Βυζαντινών βίος και πολιτισμός. Τ. 5. Αθήνα.
8. Lampros Sp. 1925. Ἐπιστολαὶ ἐκ τοῦ Βιενναίου κώδικος Phil. gr. 342 // Νέος Ἑλληνομνήμων, 19. Σ. 139–191.
9. Libanii opera omnia / ed. R. Foerster. Vol. 10, Leipzig: Teubner, 1921 (repr. Hildesheim: Olms, 1997).
10. Michaelis Pselli Scripta minora: magnam partem adhuc inedita / Ed. E. Kurtz, F. Drexl. Milano: Editione, 1941.
11. Michel Italikos. Lettres et Discours / Ed. P. Gautier. (Archives de l'Orient Chrétien, 14). Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1972.
12. Nicétas Magistros. Lettres d'un exilé / Ed. L.G. Westerink. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1973.
13. Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan. Vol. 1–3. Oxford: UP, 1991.
14. The Correspondence of Ignatios the Deacon / Ed. S. Efthymiadis, C.A. Mango. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Washingtonensis 39). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1997.
15. Theodori metropolitae Cyzici epistulae. Accedunt epistulae mutuae Constantini Porphyrogeniti / Rec. M. Tziatzi-Papagianni. Berlin: Verlag, 2012.
16. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / ed. I. Bekker. Bonn: Weber, 1838.
17. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) / ed. N.A. Bees // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 21. 1971–1974.